

18+ Григорий Саркисов

Вежливая история

Сборник рассказов

Григорий Саркисов

**Вежливая история.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Саркисов Г.

Вежливая история. Сборник рассказов / Г. Саркисов —
«Издательские решения»,

Сборник рассказов, написанных в разные годы, а также совершенно не исторические анекдоты, почему-то принимаемые за реальные истории. Впрочем, что такое историческая наука, как не сборник исторических или совсем не исторических анекдотов? Часть рассказов опубликована ранее в книгах «Про нас», «Маленькие люди» и «Разные разности».

Содержание

Вежливая история	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вежливая история Сборник рассказов

Григорий Саркисов

© Григорий Саркисов, 2026

ISBN 978-5-0071-1965-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вежливая история

Рассказы, стишата и мыслята

Веркина тайна

В жизни, граждане, бывает так, что, кажется, всё хорошо, а потом — раз! — и наоборот. Особенно если дверь захлопнулась, а ключа нет. Древние шумеры в таких случаях говорили «Астарта накакала».

Вот история как раз по этой теме.

Одна девушка, Веркой её звали, страшно хотела замуж. Все подружки уже замуж вышли, а некоторые даже и развелись. А Верке никак не везло, хотя девушка она была симпатичная, при всех выпуклостях организма, и пятом курсе университета. Но с принцем как-то не клеилось. Один дураком оказался, другой был не дурак, но себе на уме, третий бегал по потусторонним бабам, у четвертого подмышки ногами пахли, а от пятого Верка сама сбежала по причине его мамы Розы Моисеевны.

Но однажды встретила Верка своего Принца. Чуть в обморок не упала. Красивый, богатый, холостой, и имя — Виктор.

Это же любая сознание потеряет.

На первом свидании принц подарил Верке такой огромный букет алых роз, что Верка сразу сообразила — она ему тоже понравилась. На втором свидании повел принц Верку в ресторан, на ужин при свечах. Ну, а на третьем свидании, как полагается, был у них, извиняюсь, бурный секс, и бабочки бесновались в Веркином животе до самого рассвета.

Утром просыпается Верка в квартире этого принца. Там, само собой, всякая наимоднейшая хурда-мурда, сплошной хай-тэк от пола до потолка. Лежит Верка, нежится, солнышко её через окошко лучами прямо по голове гладит, в животе еще ночные бабочки весело умирают. А на подушке — записка: «Ты прекрасна! Я убежал. Завтрак на столе. Будешь уходить, просто захлопни дверь. Вечером увидимся. Люблю! Целую!». И роза красная на записке. Верка от восхищения таким романтизмом опять задремала. А когда проснулась, был уже полдень.

Встала Верка, по квартире прошлась, в окошко на крыши городские сверху посмотрела. Зашла в ванную.

С этого места, граждане, начинается трагическая часть истории. Потому что, во-первых, бывают очень вредные двери. А во-вторых, девушки, даже самые романтические, — тоже люди, и имеют натуральные потребности желудка и прочих деталей.

Вся в мечтах, зашла Верка в мраморную комнатку с поющим унитазом. На такой сядешь — он автоматическим образом песню выдает, на чистом французском языке. Одно слово — культура. Ну, послушала Верка песню, сделала свое дело по маленькому, потом подумала — и по большому тоже. Извиняемся, конечно, за подробности, но с кем не бывает. Однако, на этом месте случилось с Веркой то, что бывает уже не с каждым.

В унитазном бачке не оказалось воды.

Совсем.

Ни капли.

Верка и так, и этак пипочку на бачке дёргает, — ноль результата. Может, где-то трубу прорвало, и специальные люди воду перекрыли. Этого Верка не знала. Но она точно знала, что без воды даже поющую по-французски сантехнику от лишнего продукта не избавишь. А оставлять всё как есть тоже никак невозможно. Придёт принц, унюхает Веркину прозу жизни, — тут тебе и *finita amore*. А Верка финиты аморы никак не желала.

Стала она болтаться по квартире, весь хайтек перерыла, и нашла на кухне мешочек с мешочками полиэтиленовыми. В каждом доме есть такой мешочек с мешочками, а если у кого

нет, тот врёт. Ну, отыскала Верка перчатки резиновые, набрала в мешочек из унитаза все, что там было, перчатки туда же бросила, мешочек аккуратно бантиком завязала, унитаз туалетной бумажкой протерла чисто-чисто, — и очень осталась довольна своей находчивостью.

— Вот, — думает, — какая я молодчина! Сейчас мешочек в мусоропровод выброшу, и дело с концом.

Пока Верка с унитазом колбасилась, время уже к двум часам подобралось, а в три у Верки был зачет по какому-то страшному предмету. Ну, она, как воспитанная девушка, решила тоже оставить своему принцу любовную записку. Взяла его записку, и право на ней написала: «Любимый, спасибо за розу! Я тебе тоже оставляю подарок. Он тебе понравится!». Потом губы помадой намазала, и бумажку эту крепко поцеловала, чтобы след остался. Такой, значит, презент любимому принцу. Положила Верка записку на кухонном столе, оделась, сумочку схватила — и за дверь. Закрыла ее аккуратно и шаг от двери сделала. Но потом остановилась.

— Что-то я забыла, — думает.

Конечно, у девушек забывчивость встречается на каждом шагу, не говоря уже о влюбленных барышнях, — эти вообще ничего не помнят. Но Верка все-таки вспомнила. Хотя, лучше бы не вспоминала. А вспомнила она, что мешочек с продуктом из унитаза на кухонном столе остался. Рядом с поцелованной запиской насчет подарка любимому принцу. А дверь захлопнулась. А ключа у Верки, само собой, не было. И когда любимый принц вернется, он как раз эту записку прочитает, а потом и мешочек развяжет. В предвкушении, значит, подарка. А там сами понимаете, какой сюрприз навален. Да еще и перчатки.

Похолодело у Верки в животе так, что все порхавшие в нем бабочки тут же коллективно издохли от мороза.

Другая, может, и сдалась бы, и тут можно было бы поставить точку. Но Верка была не такая, чтобы точки ставить. Потому что принцы на дороге не валяются, и нормальные девушки принцами не разбрасываются.

И Верка решила бороться за любовь.

Позвонила она принцу, и между всякими любовными словами разузнала, когда он домой вернется.

— Я, — говорит, — любимая, часа через три буду, и ты подъезжай, в театр ходим.

Ну, и там разные чмоки-чмоки, муси-пуси, нам это неинтересно.

Нам интересно, что Верка сделала.

А Верка после разговора с принцем рванула в университет, потребовала, чтобы ее пропустили сдавать зачет первой, быстренько сдала, — и помчалась обратно к дому принца. Спряталась за угол и стала за принцевым подъездом наблюдать.

Через час кабриолет принца привез. Вылезает этот Виктор из машины, а тут Верка из-за угла, — прыг ему на шею.

— Как, — говорит, — здорово, что у нас такое неожиданное совпадение случилось, что и ты подъехал, и я одновременно подошла!

Принц тоже такому счастливому совпадению удивился.

Поднялись они, и только принц дверь открыл, Верка мимо него на кухню метнулась с криком:

— Любимый, ты устал, я сварю тебе кофе!

Принцу, конечно, приятно стало. Пошел он в ванную руки после кабриолета мыть, потому что не шалопай какой-нибудь, чтобы немытыми руками кофе пить, или, к примеру, девушку целовать. Тем более, к тому времени воду опять подали.

В общем, пока принц руки намыливал, Верка схватила проклятый мешок с продуктом из унитаза, и побежала его в мусоропровод выбрасывать. Выбросила, возвращается, а дверь опять захлопнулась.

Выходит принц из ванной с чистыми руками, — а Верки нет. Только стал он думать, отчего это она так скоропостижно убежала, — звонок в дверь. Открывает — там Верка.

— А вот и я! — смеется.

— Привет! — говорит принц. — А ты зачем выходила?

Тут Верка загадочную позу лица сделала, и подробно ответила:

— Да так.

Потом они пили кофе, болтали о разных пустяках, вечером пошли в театр, а после театра принц прямо в кабриолете сделал Верке предложение, от которого отказалась бы только круглая дура. Тем более, принц ей тут же бриллиантовое кольцо на пальчик надел.

В общем, через пару месяцев вышла Верка за принца замуж.

И первое, что она в должности жены сделала, — попросила поставить на входной двери такой замок, чтобы дверь сама собой не захлопывалась. Принц удивился, но просьбу выполнил.

И стали они жить-поживать. Принц продолжал добро наживать, а Верка как-то постепенно стала Верой Николаевной. Иногда принц спрашивал, почему она в тот памятный день оказалась за дверью. Но Верка... то есть, конечно, Вера Николаевна, ему так ничего и не сказала.

Потому что у каждой женщины должна быть какая-то тайна, правда?

Волшебная история

Однажды американцы потребовали выбросить из страны мексиканских эмигрантов. По-русски говоря, гастарбайтеров. Надоели они им, прямо хот-дог в рот не лезет. Собрались прямо всей Америкой, и кричат:

— Чемодан, вокзал, Мексика!

Шум крика до неба поднялся, опять же, угрозы действиями по лицу, разговоры на тему «они отняли у нас работу», «по улице пройти невозможно», «вчера одну женщину изнасиловали», «доколе», и прочая хурда-мурда. Само собой, к делу подключились пресса и телевизор, — тема-то хорошая, и рекламодатель попёр, как муха на органику.

В общем, всё как положено.

И что вы себе думаете? В один прекрасный день мексиканцы вдруг чудесным образом исчезли. Все. Ни одного не осталось! Даже сомбреро, или, к примеру, текила, испарились. Да что там текила, — кактусы куда-то убежали.

Ну, праздник у американцев, слёзы радости, — мол, наконец-то вздохнем свободно, заживем спокойно. Обнимаются, целуются, и как у них там полагается, друг дружке «bullshit» говорят. Не знаю, что такое, но слово красивое. Культура!

И вот они день радуются, другой радуются, и третий день радуются, и четвертый, и пятый, и шестой. Сплошная, значит, радость.

Но на седьмой день радости поубавилось. На улицах — горы мусора. Лампочки не вкручены. Почта не носится. Автомастерские опустели. Фабрики и заводы на грани закрытия, — работать некому.

Еще неделя прошла — вообще катастрофа.

Правительство солдат прислало, мусор убирать да лампочки вкручивать, а они особо не напрягаются, потому что у них же как, — солдат спит, служба идёт. Убрали солдат по причине бесполезности.

А американцы работать на мексиканских местах не желают: не для того, говорят, мы в самой Америке родились, чтобы в мусоре копаться, машины ремонтировать, в супермаркетах грузчиками да кассирами горбатиться.

— Мы, — кричат, — американцы, мазафака!

И в грудь себя немывтым кулаком бьют, потому что водопровод сломался.

Ну, месяц прошел. Считай, уже финальный аллес капут. Всё стоит, ничего не работает, народ чумазый туда-сюда печально колбасится. Телевизор включают, а там — президент. Обращение к нации делает.

— Попали мы, — говорит, — господа граждане американцы и гражданочки американочки, в полный цугцванг, и нет нам спасения. Кончается Америка.

И заплакал.

Ну, траур, флаги мокрыми тряпками провисли, народ аналогично сопли со слезами по щекам размазывает, и опять про «bullshit» слышно.

Вот же горе, куриный клык.

И тут один какой-то простой Джон говорит: а давайте мексиканцев обратно позовем! Народ прямо присел от изумления: вот это, думают, голова, хорошо придумал.

И все прямо хором крикнули:

— Возвращайтесь, мексиканцы! Нам без вас никак! Пропадаем!..

Но в ответ — тишина. Постояли ещё немного, поплакали, покричали, да по домам и разошлись. Спать легли горем убитые.

А утром просыпаются — мать наша женщина! — всё чисто, мусор убран, лампочки вкручены, машины отремонтированы, супермаркеты, фабрики, заводы, — всё работает! От сомбреро да текилы в глазах рябит, и кактус, гляди, взад прискакал. А главное, мексиканцы кругом. Опять праздник, шарики разноцветные, крики «ура» на чистом ихнем американском языке, и прочее в смысле торжества. Тут же президент выступил.

— Простите, — говорит, — нас, дураков, дорогие мексиканцы! Мы больше никогда не будем обзывать вас мокрыми спинами и чиканосами. Только не исчезайте, родные!

— Да ладно, — махнули рукой мексиканцы. — Что ж мы, не понимаем, что ли? А пока извиняйте, сэры, нам ещё вот здесь подмести надо, а вон там — лампочку вкрутить.

И ушли подметать да вкручивать.

В общем, всё закончилось к всеобщему удовольствию. А почему я об этом волшебном случае вспомнил, и сам не знаю.

Так, на ум влетело.

Вежливая история

Вежливый человек, граждане, всегда вежливый. Разбуди его в три часа ночи, спроси, хочет он спать или не очень. Другой, конечно, словами скажет, или даже действием руки. Или ноги. А вежливый человек зевнет, рот ладошкой прикрыв, и ответит:

— Вообще спать не желаю. Спасибо, что разбудил!

И вот с одним вежливым человеком случилась такая история.

Поехал он как-то по своим делам. Это же каждый может поехать, потому что имеет право и автомобиль. У этого человека как раз все было — и права, и машина.

И вот едет он, песню свистит. А тут лужа. А они ее и просвистел. Наехал, — брызги фонтаном. А в этом месте как раз остановка автобусная. Ну, народ обрызгал, конечно. Другой бы проехал и сделал вид, что не заметил. Но этот же вежливый. Остановился, задний ход дал, опять по луже проехал, опять народ обрызгал. Тормозит, вылезает из машины — и говорит:

— Извините, кажется, я вас обрызгал. Простите великодушно, ибо не хотел, а так вышло ввиду лужи.

И поехал, и опять всех обрызгал. Но опять остановился, чтобы опять извиниться. Но куда там. Народ мокрый, злой. И все на этого вежливого человека словами говорят.

— Это, — кричат, — как таким идиотам человечества права выдают!

— Где это, — орут, — видано, чтобы людей прямо на остановке мочить!

И другое. Но криком дело не обошлось. Женщина одна подбежала, и сумкой с лицом Стаса Михайлова и надписью «Для тебя!» этого вежливого человека по лицу ударила. Другая

подбежала, и такой же сумкой по затылку его хрястнула. Потом мужики мокрые подключились. В общем, досталось ему по всем местам организма. Еле вырвался, поехал в поликлинику. Врач его зеленой да йодом изукрасил, башку забинтовал, и интересуется:

— А где это вас так, батенька?

— На остановке, — говорит забинтованный.

— За что же? — спрашивает врач.

— За вежливость — отвечает этот вежливый человек. — Пострадал исключительно за культурное отношение в лице нападения обмочившихся на мое лицо.

Врач, конечно, сначала удивился, но потом подумал, что удивляться тут нечему, потому, что врачи еще и не такое видели.

Вот так и бывает — хочешь ты культурно извиниться, а тебя словами обижают, и сумками по голове ударяют.

Нет еще у нас культуры общежития.

Случай с Мальвиной

(Незаконченная история в котловане любви)

В жизни, граждане, случается такой ляпсус, что хоть падай. Иной человек как человек, со всех сторон нормальный, и поёт только когда пьяный, — но вот ткнет его в бок какое-нибудь желание, и толкает, как черт монаха, на всякие глупости. Не говоря о женщинах, — эти вообще свирепеют, когда касается любви.

Трудилась у нас в учреждении девушка Наташа, и очень она хотела мужа. Не то чтобы другие девушки не хотели, но эта хотела прямо категорически.

— Я, — говорит, — не успокоюсь, пока не найду свою половину!

По телевизору тоже сказали, что половина людей ищет свою половину. А что ищет другая половина, над этим ломали головы ещё такие лбы, как Спиноза. Но это пусть ученые соображают в микроскоп.

Девушка Наташа была голубоглазая блондинка со всем положенным рельефом женского организма. За это ее еще в школе прозвали Мальвиной. Сначала Наташа на Мальвину обижалась, но потом привыкла. Между нами, одну барышню вообще Харизмой в паспорте прописали, и ничего, жила.

Но при всех голубых глазах и телесных рельефах, Мальвина, то есть, Наташа, не могла найти своего Буратино, или, на худой конец, Пьеро. Конечно, Наташа под лежащим камнем не сидела, и мужа постоянно высматривала. Кандидаты были, но как-то ей попадались не те. Один был умный, но бедный, другой — богатый, но дурак, а третий пил, как верблюд. Чего только девушка ни делала: и на йоге в разных позах корячилась, и по клубам раз в неделю ходила, и на концерты всякие в консерваторию, где на скрипках пиликают много холостых пианистов. Один раз даже в Планетарии побывала. Но там насчет мужского рода совсем плохо, не говоря о музеях, где что ни сотрудник, то сотрудница.

Однажды, любуясь на себя в зеркало и прислушиваясь к своему цветущему организму, Наташа определила, что если она сейчас не найдет себе мужа, то потом уже не найдет никогда. С горя пошла она с подругой на концерт какой-то певицы. А в антракте, прогуливаясь по буфету, увидела Его.

Мальвина, то есть, Наташа, конечно, обрадовалась. Это же не каждый день в буфете такое встретишь: высокий, стройный, брюнет, глаза синие, и взгляд, как рентген. Наташа возле этого удивительного человека пристроилась, и стакан с апельсиновым соком на него нечаянно уронила.

— Твою ж маман, помидор тебе в компот, — сказал брюнет с синими глазами. — Какая дура стакан удержать не может?

— Наташа, — уточнила Наташа. — А вас как зовут?

— Эдуард, — буркнул брюнет, разглядывая мокрые штаны. — Можно Эдик.
В общем, они познакомились.

Этот Эдуард оказался чистый феномен природы. Мало, что высокий-красивый, так еще и работал начальником в банке, имел нахальные деньги, ездил на красной «феррари», и один жил в шикарной трёхсотметровой квартире прямо на Чистых Прудах. Но самое изумительное — он ни разу не был женат. Мальвина самолично в этом убедилась, посмотрев его паспорт, — там было чисто, как в операционной, где Наташе вырезали аппендицит.

От этого последнего факта Мальвина, то есть, Наташа наполнилась радостными предчувствиями, что, наконец, села на гвоздь успеха. И всеми фибрами бросилась она прямо вниз головой в непочатые котлованы любви.

Стали они с этим Эдуардом с Чистых Прудов встречаться. Но только в театрах. Эдуард театралом оказался. Раз в неделю таскал Наташу-Мальвину на какой-нибудь спектакль, включая балет, и там кричал «Браво!». Это, конечно, у каждого свой недостаток, и девушка терпела до глубины души. Опять же, Эдуард ей подарки делал, в лице цветов. И вёл себя прилично. То есть, не приставал. Сначала Мальвине это нравилось. Но на пятом свидании ей стало удивительно, почему это он ни разу даже руку на её коленку случайно не положил. Она уже и так, и этак намекала, из мини-юбки не вылезала, и в декольте до пупка ходила, — ноль реакции. Не пристаёт, хоть ты тресни. Мальвина, то есть, Наташа, от этого страшно обижалась, но терпела.

Капля терпения переполнилась, когда она попросила ногу ей помассировать, а Эдуард вместо ноги абонемент в массажный салон купил. Тут уж девушка не выдержала.

— Что это вы, — говорит, — на меня, как на женщину внимания не обращаете? Я, конечно, готова с вами хоть до гроба доски по театрам шастать, но есть же предел женской гордости! А может, ты девушек не любишь, а любишь совсем наоборот?

Тут Эдуард ей и раскрылся: он, мол, девушек, конечно, любит, но пока только платонически. И с Мальвиной может только дружить по театрам.

— Я, — говорит, — маме обещал девственником оставаться до свадьбы. А к тебе у меня только дружеские чувства.

— Что же ты, паразит, раньше молчал?! — рассердилась Мальвина, и букетом его в лицо головы потыкала. — Я с ним туда-сюда по спектаклям нервы трачу, да «браво» ору, а он вон оно что!

Весь букет об Эдуарда измочалила, и гордо убежала, а дома плакала.

В общем, ничего у Мальвины с броском в непочатый котлован любви не вышло. Расстались они с Эдуардом. И осталась эта история любви незаконченной, как книга какого-нибудь Гоголя.

Впрочем, что есть наша жизнь, как не незаконченная история?

Понедельнично-хандроническое

На морде грусть, и выпирают рёбра,
И на последней дырочке ремень,
И смотрит на меня недобро
Насаженный на вилку пельмень...

Загадка филологии

Когда древнерусские богатыри встречались, они вежливо здоровались. То ли «ой ты гой еси, добрый молодец», то ли «ой ты гей еси, добрый молодец». Но непонятно, как правильно, — «ой ты гой» или «ой ты гей». Но, если правы утверждающие, что святорусский богатырь Илья Муромец был евреем, — есть и такие умники, — тогда правильно, конечно, «ой ты, гой

еси». «Гей» было бы куда обиднее, и тогда любая встреча святорусских богатырей непременно заканчивалась бы дракой. При таком раскладе «гой» как-то веселее.

Коротко — о длинном

Ах, человека так легко обидеть!
Ты ближнему без дела не груби.
Плохое в человеке можешь ненавидеть,
Но человека самого — люби!

Сокращение

Президент отшвырнул газету и схватился за голову.

— Да что же это такое! — прошептал он. — Доколе?! Вот же, пишут, — за десять лет чиновников стало в два раза больше! Это же черт знает что!..

Президент тут же издал указ, — сократить количество чиновников вдвое. Из бюджета выделили деньги, и создали специальное Министерство Оптимизации. Министерство сократило старых чиновников, и посадило на их места новых. Но выбрасывать сокращенных на улицу было опасно, — сокращенные имели хорошие связи, — и старых чиновников решили взять обратно. Но их места уже заняли новые чиновники, и для старых чиновников пришлось придумывать новые должности. Этим занялась специально созданная Комиссия По Расширению Сокращения Штатов. По ее предложению создали Министерство Трудоустройства, укомплектованное старыми чиновниками. Работу Министерства курировало специально созданное и сплошь состоящее из старых чиновников Министерство Контроля, глава которого подчинялся руководителю специально созданного в аппарате премьер-министра Управления по дебиюкратизации, куда взяли еще не устроенных старых чиновников, которых разыскало специально созданное Управление Старых Кадров, где под руководством старых чиновников работали новые чиновники. Все это дублировалось в каждом регионе, ибо на местах виднее, кого сокращать, а кого возвращать.

Так оптимизация добралась до каждой деревни.

После того как новые Учреждения окончательно вписались в стройную Вертикаль Власти, выяснилось, что все старые чиновники уже работают в Учреждениях по трудоустройству старых чиновников. Но некоторые новые Учреждения по трудоустройству старых чиновников пустовали. Наверх полетели тревожные циркуляры о катастрофической нехватке государственных служащих в только что созданных Ведомствах. Проблему решила специально созданная Комиссия По Внедрению Управленческих Инноваций: пустующие места, выделенные для старых чиновников, заняли спешно набранные новые чиновники.

Вскоре Президент узнал из газет, что в результате сокращения вдвое количество чиновников увеличилось втрое.

С тех пор Президент перестал читать газеты.

От них вся беда.

Засланец

Слепой случай, граждане господа, иногда такое с человеком сотворит, что и во сне не увидишь. И думает человек, — то ли свезло мне, то ли черт со мной в прятки играет. А пока он думает, жизнь подбрасывает свежие сюрпризы.

В одном Учреждении работал чиновник.

Был он самый обыкновенный, в сереньком костюмчике, и фамилия у него была самая обыкновенная, — Березкин. Чем занимался он в Учреждении, никто толком не знал. Может, слева направо бумаги перекладывал, а может, и справа налево. Одно известно точно:

Березкина в Учреждении не замечали. На него постоянно налетали люди, и даже Начальники Отделов, а однажды на него налетел сам Главный Начальник! Поэтому Березкин ходил по длинному Государственному Коридору, прижавшись к побеленной стене, и если у нормальных людей спина белая только первого апреля, то у Березкина она была белая всегда.

И девушки Березкина не любили.

— Этот Березкин, — придурок, — говорила секретарша Главного Начальника, ногастая Людочка. — Виду нет, голос как у комара, к приличной девушке никакого подхода, ни даже шоколадки... И как таких в Учреждение пускают!

Когда прямой начальнице Березкина, старой деве Елизавете Валериановне, становилось скучно, она вызывала его, но в кабинет не пускала, и Березкин по два-три часа маялся на неудобном кожаном диване в коридоре.

— А что это мы тут расселись? — сурово интересовалась, выйдя из кабинета, Елизавета Валериановна. — Почему сидим в рабочее время, я спрашиваю?!

И Березкин, втянув голову в плечи, убежал.

Так продолжалось до тех пор, пока в Учреждение не устроился Пряткин. Он был большой шутник. Однажды, флиртуя с секретаршей Людочкой в курилке, Пряткин сказал:

— А, между прочим, наш Березкин — засланный казачок! Абсолютно, между нами, точные сведения. Вот вы думаете, он — отсюда, а на самом деле он — Оттуда! Одно слово, — засланец!

И выразительно пустил голубую табачную струю в такое же голубое небо.

Через час о Березкине шепталось все Учреждение.

— Представляете, оказывается, Березкин — Оттуда! — округлив глаза, рассказывала секретарша Людочка. И после паузы, которой позавидовали бы все старики МХАТа, добавляла зловещим шепотом:

— У него рука Там! Его прислал Сам...

Тут Людочка называла фамилию, при одном упоминании которой сразу хотелось спеть государственный гимн. Особенно припев.

Учреждение гудело. Главный Начальник каждые полтора часа запирался с приближенными. А однажды из Главного Кабинета с криком «Откуда я знала?!» выскочила красная и заплаканная Елизавета Валериановна. Это случилось сразу после того, как любознательный кадровик Стукалов нашел двоих Березкиных в парламенте, трех — в полиции (двое служили, третий — сидел), одного — в Счетной палате, и еще одного — в журнале «Forbs». Этот, из журнала, значился в последних строчках, но, подсчитав число нулей в состоянии форбсовского Березкина, кадровик впал в кому, и пришлось вызывать «скорую».

Через день Березкина стали замечать в Коридоре Учреждения. При встрече ему пожимали руку даже Начальники Отделов, а секретарша Людочка срочно рассталась с бойфрендом Хачатуром Митрофановичем из Хозяйственного Управления, ибо Березкин оказался холостяком, и тут, как говорила Людочка, открывалось широкое поле.

Через неделю Березкина вызвали к Начальнику.

— Все, увольняют, — похолодел Березкин. — Не иначе, из-за мартовского отчета... Придется возвращаться в Козельск, к маме, в «хрущевку»...

— Что же это вы, братец ты мой, не заходите? — ласково пожурил Березкина Главный Начальник, встречая его в дверях Кабинета и усаживая на огромный мягкий диван. — Ведь ко мне, старику, всегда можно вот так, запросто, э-хе-хе...

До смерти перепуганный Березкин проблеял что-то вроде «да-а, с отчетом того... не того... я больше не буду...».

— Да забудьте вы про этот несчастный отчет! — махнул рукой Главный Начальник, другой рукой щедро подливая Березкину в кофе вкусный армянский коньяк «Наири». — Я вас почему позвал? Я вас потому позвал, братец ты мой, что мы вас в мои замы поставить хотим.

Чтобы, значит, должность по человеку была, и человек — по должности, а то ведь нехорошо, знаете ли, такому ценному работнику прозябать в каком-то, хи-хи-хи, Подотделе Статистики! Это же мы не можем так разбрасываться ценными кадрами, правда? Особенно в такое время, когда... когда... ну, в общем, в такое время. Нет, не умеем мы еще с людьми, а надо... А если уметь надо, значит, надо уметь, чтобы иметь такие кадры, которые надо уметь иметь... Тут, братец ты мой, тонкая политика, и мы-то знаем, откуда ноги растут, а не то что в кустах... Потому что — Государство!..

Главный Начальник любовно посмотрел на Портрет Начальника Всех Начальников, привычным махом осушил рюмку, крикнул, и доверительно склонился к уху Березкина:

— Раньше-то мы в замы Елизавету Валериановну хотели, но после ее недосмотра с вами, — передумали. Не может она работать с кадрами, ох, не может... Да, машину с шофером вам уже выделили, но тут, сами понимаете, конец года, фонды подчистую выбраны, так что, пару месяцев, братец ты мой, придется поездить на «Ауди-8», а там что-нибудь придумаем... Ну, и оклад, конечно, сообразим, главбух в курсе... Что еще? Ага, вот, чуть не забыл, приемная у нас будет общая, ваш кабинет — напротив моего, и Людочка всегда в вашем... в нашем распоряжении. Ну, и я недалеко, так что, всегда милости прошу к руководящему шалашу, хи-хи-хи... А вы уж, братец ты мой, при случае, и про нас как-нибудь Там замолвите, а? Сами знаете, как хорошо мы работаем... эта... стараемся, так сказать, не жалея живота, в целях, значит, борьбы санкций наряду инновационного импортозамещения количества качества, которое... которого... Ну в общем, мы стараемся, а вы замолвите... Так замолвите?

— 3-замолвлю, — выдавил из себя ошарашенный Березкин.

— Вот и ладненько! Нам теперь, братец ты мой, друг за дружку держаться надо, чай, одно дело делаем, чтобы, невзирая трудностей, иметь друг друга в делах, которые... которых... Ну, ты понял.

— Понял, — сказал Березкин.

...На следующее утро Березкин сидел в Большом Кабинете и долго смотрел на телефон. Наконец, поднял трубку, подержал в руке, словно взвешивая, набрал номер, и сказал уверенным баритоном:

— Елизавета Валериановна? Зайдите ко мне! Срочно!

Потом позвонил секретарше:

— Людмила, как придет Елизавета, скажи, чтобы в коридоре посидела, я пока занят... Когда освобожусь? Не знаю. Пусть ждет... Да, и еще. Пусть Стукалов принесет личное дело Пряткина. Нам тут шутники не нужны!

Березкин посмотрел в окно, за которым шумел Большой Город, и улыбнулся.

Жизнь налаживалась.

Пропуск

Пропуск, господа, — великое дело. Без пропуска и человек не человек, а так, унылая фигура у турникета. И тут тоже истории случаются.

Был у нас знакомый, Упыркин. Работал в газете, статьи строчил на любую тему, что твой пулемет, и главный редактор его уважал вплоть до любви. Да что там главный редактор: сам мэр ему премию вручил, руку жал, и даже чокнулся! Упыркин эту мэрскую премию сразу в дело пустил: купил жене шубу, чтобы не бухтела насчет нечего надеть.

Словом, был человек счастлив на почве востребованности и, конечно, от зарплаты.

Но однажды, под самый Новый год, у одной Очень Важной Начальницы, Анестезии Автандиловны Крабовой, испортилось настроение. Известное дело, у женщины настроение может испортиться на ровном месте. Допустим, наденет она новое платье, идет счастливая, как будто ее сам Стас Михайлов поцеловал, а навстречу — дура в таком же платье! Мужу это тьфу, а для женского пола — трагедия неимоверная. Но если обыкновенная женщина после

такого страшного случая отыграется на муже, или, при удачном раскладе, на свекрови-змее, то у дамы-начальницы возможностей в сто раз больше. Она не то, что мужа, — целое учреждение сжует, не поморщится. А если мужа нет, — тем более схрумкает, на почве нерастраченной любви.

И вот, придя как-то на работу в свирепом настроении, увидела Анестезия Автандиловна газету, — как раз ту, в которой работал Упыркин. Черт ли подложил ей эту газету, или какая другая сволочь, — этого мы не знаем. Факт, что Анестезия Автандиловна вцепилась в нее, как солдат во вражеский кадык.

— Какой дурак станет в наш век Интернета читать эту бумажную простыню? — сказала мадам Крабова. — Закрывать газету к чертовой бабушке!

Конечно, сразу у нее настроение улучшилось, и румянец на принципиальной щеке заиграл.

Так и прикрыли газету в один миг. Всю редакцию от зарплаты отключили, включая Упыркина. Хорошо, одна знакомая его выручила, пристроила в Большое Учреждение.

— Тебе, — говорит, — там хорошо будет. Ты же писучий, а тут всего и дел, — докладец Главному Начальнику накропать, поздравления и прочие некрологи от его имени. С твоей набитой рукой ты эту хурду-мурду будешь рисовать левой ногой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.